

МУЗЫКА В МОЕЙ ЖИЗНИ

(Из готовящейся к печати книги заслуженной артистки России, оперной и концертной певицы, Антонины Федоровны Гай).

ПЕНИЕ и песни в моей жизни окружают меня с того времени, как я себя помню. И сейчас, вспоминая свою красавицу-мать Ольгу Андреевну, я всегда слышу ее прекрасный голос. Любил петь мой отец, пела вся наша большая семья, в которой, кроме меня, было еще три брата и сестра. В нашем большом деревянном доме на окраине города Саранска — столицы Мордовской АССР, куда мы переехали из старинного русского села Атемар, всегда звучали русские народные песни и романсы.

Саранск был тогда небольшим городом, окраины которого, с приходом осени желтели созревшей пшеницей и просинью васильков, которые выбегали к опушке леса, куда мы ходили за ягодами и грибами. Весной в нем расцветали яблоневые сады. Наш сад отличался от других жужжанием пчел из десятка ульев, стоящих в нем. Отец был сильно увлечен ими, и со временем стал автором двух книг по пчеловодству. Он был умным человеком, стремившимся к собственному образованию и обучению своих детей, ради этого он перевез нашу семью в этот культурный центр автономии. Благодаря этому его решению, все пятеро детей закончили разные ВУЗы.

Тяжело отразилась на нашей семейной жизни ранняя смерть мамы, оставившей отцу еще не подростки детей. Мне исполнилось тогда семь лет; но горе не сломило отца; он окончил педагогический институт (исторический факультет) и после этого некоторое время работал в театре оперы. В нашем доме опять зазвучала музыка и песни, теперь они исполнялись профессиональными вокалистами оперного театра. Звучали арии из опер и оперетт. Я слушала оперы не только в театре, но и по репродуктору. Тогда из Москвы транслировалось много оперных спектаклей. Большого театра: «Кармен», «Пиковая дама», «Борис Годунов», «Евгений Онегин», «Иоланта». Я слушала и знала их наизусть. Звучали записи великих певцов: А.Неждановой, В.Барсовой, Е.Катульской и моей любимой Н.Обуховой, а также И.Козловского, С.Лемешева, Г.Нелеса, А. Пирогова. Слушая их, во мне все сильнее укреплялась мечта стать певицей, учиться в московской консерватории.

Отец согласился с моим желанием учиться музыке и пению и, несмотря на начавшуюся войну с фашистской Германией, пригласил давать нам уроки на фортепиано Бессонову Л.А., ученицу известного педагога Игумнова, прекрасную пианистку. В те годы мой голос был похож на голос моей мамы — высокое сопрано красивого тембра. Это был период мутации, со временем голос окреп и стал звучать как меццо-сопрано, появились мощные нижние ноты, и уже тогда я знала, что буду петь.

Я слушала и пела, пела везде: дома, в школе, для раненых бойцов в госпитале. Наконец моя мечта осуществилась, я поступила в музыкальное училище на вокальный факультет в класс замечательного педагога и человека Захара Авдеевича Зайчикова — ученика известного певца Большого театра Сперанского. Училась хорошо, радостно, и успехи не заставляли себя ждать. Мой педагог, лирический тенор, посоветовал мне после окончания третьего курса поступать в консерваторию.

По его совету и с помощью брата Михаила, офицера морского флота, я приехала в Киев на приемные экзамены в консерваторию. Спела арию Далилы из оперы Сен-Санса «Самсон и Далила», «День ли царит» Чайковского и после первого тура, а туров было три, мне сообщили, что я принята и зачислена в класс к народной артистке УССР Ропской Александры Дмитриевны, прекрасной певице и человеку большой души. Она тогда еще пела, и мне посчастливилось слушать ее в опере Данкевича «Богдан Хмельницкий». У нее было высокое меццо-сопрано.

Александра Дмитриевна готовила меня для украинской оперы и на уроках давала мне небольшие отдельные фразы из опер, идущих в театре.

Я училась успешно, она была довольна мною и однажды сказала мне, что с таким голосом я завоевала бы весь мир. От такой оценки у меня не закружилась голова, я стала еще больше работать: пела уже сложные арии и романсы, тем самым совершенствуя свой голос. Арию Клетемнестры Танеева из оперы «Орестея» записали и показали студентам на уроках теории музыки. В это же время, при консерватории, пела в оперной студии партию Орфея из оперы Люка «Орфей».

Но все это пелось на украинском языке, который я уже хорошо знала. А желание петь на русском языке, петь более выразительно росло во мне. Я понимала это, потому что желание перебраться в Москву не оставило меня. Окончив 3 курс, я приехала на каникулы в Саранск и поделилась с моим первым педагогом Захаром Авдеевичем своим желанием, объяснив ему все, он понял меня и дал рекомендательное письмо к бывшему своему учителю Сперанскому, в котором просил послушать меня. Когда я ему спела, мой голос понравился ему, и он согласился взять меня в свой класс.

Когда он представил меня приемной комиссии, было прослушивание, за которым последовал прием на 4 курс в Московскую консерваторию. Как правило, студентов, принятых из других консерваторий, зачисляли на курс ниже.

В роли Кармен.

Я была счастлива, когда мне сообщили, что я зачислена в класс профессора Н.Л.Дорлиак. Наконец-то осуществилась сокровенная мечта всей моей жизни: теперь я училась в Москве, слушала великих певцов и общалась с великой певицей и педагогом Ниной Львовной Дорлиак, она была камерной певицей. В период учебы в консерватории я слушала все ее концерты, которые она пела в малом зале консерватории и всем сердцем полюбила ее. А однажды Нина Львовна пела концерт в большом зале консерватории и просила меня послушать и сказать хорошо ли звучит голос, понятны ли слова и т.д.

У Нины Львовны был небольшой, красивого тембра голос, но владела она им в совершенстве. Пела очень одухотворенно. Текст и замысел композитора сливались воедино. Я слушала многих певцов, но такое исполнение встретишь нечасто. Тогда ее успех был огромен. Потом вместе с ней мы слушали С.Т.Рихтера. А когда Нина Львовна уезжала на гастроли с Рихтером, мы занимались с концертмейстером В.Я.Шубиной. Вера Яковлевна была человеком высочайшей культуры, каждый урок с ней был праздником души. Мы любили наших педагогов, а они любили нас, учениц. Безусловно, общение с выдающимися музыкантами и прекрасными людьми формировало наши характеры и музыкальные вкусы. Это были незабываемые годы, полные творческого горения.

Вскоре я уже пела в оперной студии при консерватории в спектаклях «Евгений Онегин» Чайковского — партию Ольги, в «Снегурочке» Римского-Корсакова — Леля, Любашу в опере Римского-Корсакова «Царская невеста» Петь приходилось много. Часто было так: утром на уроке я повторяла всю партию Любашы из оперы

«Царская невеста» Римского-Корсакова, а вечером шла петь спектакль в оперной студии. Пела на русском, украинском, немецком, латинском языках. Пробывала себя в исполнении камерной музыки. И все это отделялось с ювелирной точностью. На одном из спектаклей, где участвовала я, меня слушала Нина Львовна Дорлиак. Несмотря на большую занятость, она не забыла свою ученицу, и была довольна моим исполнением.

В свободные вечера, когда я не была занята в спектаклях, то ходила слушать спектакли в Большом театре и концерты артистов, приезжающих на гастроли. Но академические вечера в малом зале консерватории невозможно забыть. Все это обогащало и способствовало совершенствованию моего вокального мастерства. Я постигла все тайны исполнения камерных произведений, и время учебы в Московской консерватории вспоминаю как прекрасный сон!

В 1953 году, когда я закончила Московскую консерваторию и получила диплом оперной и концертной певицы, передо мной открылась широкая дорога оперной певицы, на которую я выходила со слов Нины Львовны Дорлиак, прекрасно подготовленной. Работая в оперном театре, я не теряла связи с Ниной Львовной и, когда появлялась возможность, приезжала в Москву, чтобы спеть, или посоветоваться с ней.

В один из таких приездов я просила Нину Львовну сказать свое мнение о моем исполнении, на что она ответила: «ничего не могу добавить, вы поете так, как надо петь». А ее мнение всегда было для меня законом.

Уже позднее, когда у меня что-нибудь не получалось, я ставила пластинку с записью голоса Нины Львовны, и все становилось ясно.

Как драгоценные реликвии храню письма и пластинку с дарственной надписью Нины Львовны. А переписывалась с дорогой Ниной Львовной до последних дней ее жизни. Она всегда отвечала на мои письма и никогда не отказывала мне, если я о чем-либо ее просила: прослушать ученицу или еще о чем-либо. А однажды она прислала письмо прямо из Ярославля, где давала мастер-класс. Вели-

кая певица Нина Львовна Дорлиак — человек с большой буквы, которая так много добра оставила на земле, она подарила людям много прекрасных мгновений и наказала нам, ее ученикам, нести и продолжать традиции классической музыки.

После окончания Московской консерватории я все еще колебалась, быть мне оперной или концертной певицей. Предпочла оперу. За годы работы в оперных театрах я спела много оперных партий для меццо-сопрано. Пела хорошо, и дирижеры были довольны мною. Работала с удовольствием, много пела, приходил опыт, крепло мастерство. Стало много оперных партий в Новосибирском театре оперы и балета. Он был приглашен в Москву на декаду оперного искусства.

В Новосибирском театре в то время пела великолепная певица Лидия Владимировна Мясникова. Я не пропустила ни одного спектакля с ее участием. Это была великая певица, обладательница прекрасного меццо-сопрано. Она пела Азучену в опере «Трубадур» Верди. Ее голос надо слышать, чтобы понять все величие ее таланта. Всю партию Азучены она могла спеть сидя. Невозможно без восхищения слушать ее прекрасное пение, и человеком она была удивительным. Добрая и сердечная, скромная в жизни и великая на сцене. Мне посчастливилось общаться еще со многими выдающимися исполнителями, это обогащало мои знания в пении.

Петра Яковлевича Гай я встрети-

В роли Ольги («Е. Онегин»).

л в театре. Он был ведущим певцом оперы. У него был лирико-драматический тенор. Мы полюбили друг друга, и я стала его супругой. Мы пели вместе в спектаклях, слушали друг друга. Мы понимали друг друга и были счастливы. Он обладал могучим талантом. В первое время я даже робела, боясь петь с ним, но он все понимал и помогал мне. Я успокаивалась, постепенно все начинало получаться, и я начинала петь увереннее. В Новосибирске я слушала гастролеров. Приезжал Николай Гяуров, который впоследствии стал всемирно известным певцом. Мы учились в Московской консерватории вместе. Он узнал меня, и мы вспомнили годы учебы. Приезжала Мария Максаква с сольным концертом. Я слушала ее в Большом театре в опере «Борис Годунов» Мусоргского. Она пела Марину Мнишек. Большой художник, она обладала скромным голосом, но восхищало величайшее мастерство исполнения. Я слушала и до сих пор помню как она пела. Было чему поучиться у этих великих мастеров пения. После окончания декады гастролей Новосибирского театра в Москве министерство культуры организовало нам прощальный вечер — банкет в одном из залов в центре Москвы. В наш адрес было сказано много добрых слов. А Иван Семенович Козловский хвалил нас и Петра Яковлевича Гай, который пел в опере Эркеля «Банк-бан» главную партию. Было жарко, а костюмы очень теплые, отделанные мехом. От жары и от волнения у него отклеивались усы, но он не растерялся и очень осторожно поправлял их, замечать это мог только Козловский, так как сидел в ложе рядом со сценой. Он хва-

лил Петра Яковлевича за артистизм и умение владеть собой в таких ситуациях. Затем мы попросили его спеть, он спел украинскую народную песню, получилось очень здорово. Вот так близко я слышала и видела замечательного певца И.С.Козловского, большого художника и блестящего вокалиста.

А когда я ушла из театра в филармонию, то уже сама пела сцену Марины Мнишек с Петром Яковлевичем Гай в Кисловодске. За кулисы совершенно неожиданно пришел мой первый учитель Захар Авдеевич Зайчиков. Он когда-то учился в Кисловодске. Это была трогательная встреча с любимым педагогом. Теперь уже он восхищался мною, и было приятно слышать его оценку моего исполнения.

Из Новосибирска мы приехали в Челябинск, где открывался новый оперный театр. Нас прослушали, и мы были приглашены. Там нам дали прекрасную квартиру в центре города в новом доме, построенном специально для работников культуры. И мы начали работать. Сезон открывался оперой П.И.Чайковского «Евгений Онегин». Я пела Ольгу. Затем шла опера «Чио-Чио-Сан» Пуччини. Я пела Сузукки. Петр Яковлевич пел Пинкертон. Репетировали увлеченно, долго и много пели. Пели на радио, и в концертах филармонии. В Челябинск приезжали прекрасные гастролеры, и мы слушали их. Приезжали драматические театры: Малый театр, театр Ермоловой. Я имела счастье видеть их спектакли и некоторых артистов, разговаривать с ними. Пашенная великая, могучая артистка тоже приезжала сюда. Их успех был большой и неудивительно.

Царев представлял Малый театр. С Малым театром я познакомилась в то время, когда была еще студенткой Киевской консерватории. Тогда администрация обратилась в консерваторию, чтобы им дали для участия в спектаклях лучших студентов-вокалистов. Мы пели за сценой и на сцене, и забыть эти спектакли невозможно. А на репетициях и спектаклях я наблюдала, как играют артисты. Мне была интересна драма Островского «Снегурочка». Восхищению моему не было конца. Я тогда даже сожалела, что не стала артисткой драматического театра. Однажды артистка, исполнявшая роль Купавы, согласилась снять очень красивое музыкальное сопровождение, которое только усиливало впечатление в сцене Купавы с царем Берендеем. Я была настолько удивлена этим.

Училась многому, думала, анализировала увиденное и услышанное. Потом, когда я уже стала учить пению молодых, я советовала посещать концертные залы, слушать великих мастеров и музыкантов, много трудиться, читать, быть целеустремленной, тогда успех будет обеспечен.

Шли годы, мы с мужем хорошо работали, пели оперы. На одном из спектаклей («Кармен») присутствовал художественный руководитель Кисловодской филармонии. Он стал просить нас приехать к ним на работу. Петр Яковлевич поехал туда в отпуск один, у меня был тогда маленький сын, и врачи не советовали мне менять климат, пока ребенку не исполнится два года. Но мы дали согласие остаться работать там, пока же пришлось подождать. И мы ждали. Петр Яковлевич работал в Кисловодске, а я жила в Челябинске. Однажды ко мне пришел администратор театра Ермоловой и попросил спеть песню цыганки за сценой в спектакле «Пушкин». Я спела, им понравилось, и они стали просить меня остаться у них работать в Москве. Но мы уже решили работать в Кисловодской государственной филармонии.

В филармонии был хороший симфонический оркестр, лекторий, эстрадные коллективы. Работы было много и отношение замечательное. Я уже была дипломантом Всесоюзного конкурса вокалистов на лучшее исполнение советского романса и песни в Москве. Пела много. Люди любили нас. Казалось, что ничто не предвещает беды. Но она пришла.

(Продолжение следует).